

Подвиг актера

Новая книга о Федоре Волкове

Когда знакомишься ближе с судьбой основателя русского театра Федора Волкова, поражаешься ее драматизму. В истории русской культуры трудно назвать еще кого-нибудь, кто бы начинал в таких трудных условиях, как он, и так много успел сделать за тридцать четыре года жизни. И трудно назвать другого деятеля русской культуры, которому так долго пришлось бы дожидаться признания своих заслуг перед народом.

«Будь он иностранец, — с горечью писал Белинский, — его соотечественники давно бы истребили его жизнь на трагедии, комедии и драмы, оперы, водевили, романы, повести, сказки, а у нас нет даже полной его биографии».

С тех пор, как были написаны эти слова, многое изменилось. За годы Советской власти появились подробные научные биографии Федора Волкова. Нет ни одного серьезного труда по истории русского театра, в котором ему не было бы отведено подобающего места. Широкую популярность приобрел роман-хроника Б. А. Горин-Горьянова. Недавно Ярославцы видели спектакль театра имени Ф. Г. Волкова по пьесе Н. М. Севера, посвященный нашему великому земляку. И все же трудно себе представить, что наступит время, когда эта тема будет поставленной и исчерпана.

Вот почему с интересом встре-

чено появление новой работы Н. М. Севера *).

Когда берешь эту книгу впервые, испытываешь чувство, похожее на недоверие. В самом деле, многое ли можно сказать на ста тридцати страничках небольшого формата? Ведь речь идет о целой жизни Ф. Волкова, а значит, и о создании русского национального театра.

Начинаешь читать, и от этого чувства не остается и следа. Скупые строчки текста как бы растягиваются, словно за каждым словом угадывается три, пять слов... Прочитано всего несколько страниц, а перед вами все детство Федора в древнем Ярославле с его деревянными домами обывателей и церквями, которые «далеко по Волге белеют на зеленом взгорье». Разворачиваются картины народной жизни. Везут мужики пеньку да деготь, бредут колодники «в чепях да на связке», гнет на мануфактурах спины работный люд, в канцеляриях скрипят перья разных писчиков да копиистов, ходят по дворам скоморохи,

*) Н. М. Север. Федор Волков. Сказ о первом российского театра актере. Ярославское книжное издательство. 1961.

показывают комедию о царе Максемьяне...

А какое разнообразие типов! Славный кулачник майор Челышев, заводчик Полушкин — отчим Федора, либеральствующий помещик Майков, солдат Пантелей... Каждый из них только намечен подчас двумя — тремя штрихами. Но в каждом портрете схвачено что-то главное, неповторимое. И каждый образ накрепко западает в память.

Н. М. Север избрал выразительную, очень емкую, но и крайне трудную для писателя форму повествования. Вся повесть строится из отдельных сцен, каждая из которых представляет собой почти законченный рассказ со своим особым замыслом. Каждая такая сценка-рассказ до предела насыщена фактами, яркими деталями. Несмотря на то, что автор никогда не пользуется так называемыми мостиками и переходами, впечатления раздробленности не остается, потому что в чередовании сцен есть логика мысли и чувства.

Вряд ли есть особая необходимость сравнивать повесть Н. М. Севера с романом Б. А. Горин-Го-

рьянова «Федор Волков», также выпущенным впервые Ярославским издательством в 1942 году. Но об одном хочется сказать. Н. М. Северу удалось избежать той модернизации своего героя, которая характерна для образа главного героя романа-хроники. Федор Волков у Горин-Горьянова несет на себе какой-то отпечаток меланхолии и самоанализа, которые скорее бы подошли к тургеневским героям, чем к человеку эпохи, которая по праву может быть названа эпохой русского Возрождения. Н. М. Север отказывается и от того домысла, который связан с интимной жизнью Федора и которым так широко пользовался Горин-Горьянов. Несмотря на это облик великого артиста ничуть не стал бледнее. Напротив, он приобрел новые яркие краски. Федор Волков у Севера — это человек большого жизнелюбия, глубокого ума, разнообразных дарований, неумной энергии, добрый, страстный и остроумный.

В нашей литературе давно уже отвергнут взгляд на Волкова только как на способного ученика западного театра. Но как легко спуститься до сусального изображения такого стихийного самородка отвергающего всякую учебу у иностранцев!

Н. М. Север очень ненавязчиво через всю повесть проводит мысль

о глубокой связи Федора Волкова с родным народом. Встречи с простыми людьми — ростовским званарем Афанасьем, запевалой бурлацкой ватаги Щеглом, случайно подслушанные сетования крепостных танцовщиц, песни девушек за Которостлю — вот подлинная школа жизни, которую проходит русский актер. И когда Волков сталкивается со своими более опытными собратьями по искусству из Европы, он идет к ним как ученик, но такой ученик, который все поверяет на свой толк и разум и который готов вступить в спор ради своих идеалов художника.

Мудрено ли, что на представления театра, организованного Волковым, идет не зная, а простой народ. Жаль только, что мы вместе с ним так и не видим ни одного спектакля Волков предстает перед нами как блестящий организатор, режиссер, даже поэт, но лишь дело доходит до сцены, автор в лучшем случае ограничивается беглым замечанием. Когда читаешь книгу неизменно чувствуешь, что какая-то большая часть жизни Федора остается за пределами книги — это жизнь его на сцене. А ведь Р-лковым было сыграно не менее шестидесяти ролей.

Маловероятно, чтобы этот весьма

существенный промах был в книге случайным. Объясняется он, по-видимому, тем, что до нас почти не дошло свидетельств современников об игре Волкова, и автор то ли не захотел, то ли побоялся пойти здесь по пути художественного вымысла.

Язык книги является одновременно и одним из самых ярких ее достоинств, и одним из самых существенных недостатков. Он богатый, очень меткий и очень сжатый, на каждой странице встречаются подлинные находки, которые доставляют огромное удовольствие. Но сильно портит язык книги некоторый налет искусственности, которая всегда сопутствует стилизации.

Изучая документы XVIII века, исследователь невольно подпадает под влияние того языка, которым они написаны. Но при этом надо иметь в виду, что официальный письменный язык того времени лишь в некоторой степени отражал разговорную речь и что она была гораздо ближе к языку Пушкина, например, чем к языку какого-нибудь камер-фурьера, который вел запись событий придворной жизни. Об этом красноречиво говорят дошедшие до нас народные песни.

Постоянное перенесение сказуемого в конец фразы, не всегда оправданное употребление устаревших слов и их форм, необычное употребление предлогов не только затрудняют чтение книги, но и создают искаженное представление о русском языке того времени.

Работу над повестью не хотелось бы считать завершенной. Книга, подобная этой, не залежится долго на полках магазинов. Потребуется переиздание. И очень хочется, чтобы оно не было простым повторением того, что уже есть.

Как ни велик труд, уже вложенный в нее автором, книга стоит того, чтобы над ней работать и работать. Большая вещь может из нее получиться, достойная того бессмертного подвига, который совершил во славу родины первый русский артист — Федор Григорьевич Волков.

Е. СОКОЛОВ.

3

стр.

6 января 1962 года

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧНИК
г. Ярославль